

УДК 81.3:81.161.1(045)

Эмоциональный концепт *страх* в русской языковой картине мира

О. Н. МЕЛЬНИКОВА

Примечательной чертой проводимых в настоящее время лингвистических исследований является внимание к человеческому фактору в языке. Одним из проявлений этого исследовательского направления является изучение слов со значением элементов психической жизни человека – эмоциональных состояний и переживаний, настроений, ощущений, желаний и пр., сочетаемость которых в значительной степени основывается на различных образных представлениях, метафоре.

До недавнего времени внутренний мир человека занимал психиатров, философов, поэтов, но в меньшей степени интересовал лингвистов. Интерес к группе слов, обозначающих эмоции, намечается еще в работах таких видных отечественных языковедов, как М. М. Покровский, А. А. Потебня. Приблизительно с 60-70-х годов XX века, с возникновением современной лингвистической семантики, появляются первые попытки системного лексикографического описания эмоциональной лексики. Исследованию эмоций и их отражению в языке посвящены работы Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, А. А. Зализняк, И. Б. Левонтиной, В. И. Шаховского и др.

Предметом рассмотрения в данной статье является эмоциональный концепт *страх* в русской языковой картине мира.

Эмоции как специфическая форма человеческого отношения к миру занимают одно из центральных мест в языковой картине мира. При описании эмоциональных концептов исследователь объективно сталкивается с рядом трудностей. Эмоции – одна из наиболее сложно организованных систем человека. Как известно, сами эмоции недоступны непосредственному человеческому наблюдению. В этом отношении они подобны другим внутренним состояниям человека, например, ментальным. Однако в отличие от ментальных состояний, которые вербализуются достаточно легко, эмоциональные состояния перевести в слова значительно сложнее. Слову, обозначающему эмоцию, почти невозможно дать прямое лексикографическое толкование. По замечанию Б. А. Ларина, дифференциация аффектов усложняется также тем, что самоанализ, осознание своего психического состояния может иметь место только спустя промежуток времени, когда с помощью интеллекта постигается причина, предмет эмоции, суть объективного отношения к предмету, вызвавшему эту эмоциональную реакцию. Эмоция дифференцируется в стадии зарождения или в стадии остывания, а в своем апогее разнородные аффекты сближаются, «подобно тому как ярко пылающее пламя слепит нас всегда одинаково, а загорающийся огонек или угасание огня многокрасочно и богато оттенками». Отсюда следует такая особенность, как синкретизм исконной семантики, свойственной словам, обозначающим эмоции, сравн, к примеру, значения др.-исл. *harmr* ‘печаль’, ‘горе, боль’; греч. *υφχγτ* ‘ужас’, ‘отвращение’, ‘холод’ [1, с. 63].

Эмоция страха не всегда играет отрицательную роль в жизни человека. Среди функций, выполняемых страхом, прежде всего выделяют адаптивную, или социальную [2]. Суть её заключается в том, что страх мобилизует силы человека для активной деятельности, помогает предупреждать возможные ошибки и уменьшает риск стать жертвой обстоятельств, защищает, поскольку является очень сильной мотивацией для поиска безопасной среды обитания, позволяет человеку моделировать своё будущее поведение.

Эмоциональные концепты имеют более сложную структуру и более богатое содержание, чем можно предположить, исходя из классической точки зрения на эмоции. Дело в том, что обычный язык, который мы используем, когда говорим об эмоциях, может быть важным инструментом для обнаружения структуры и содержания эмоциональных концептов. Описывая

состояние страха, писатели часто прибегают к сложным комплексам наименований как психических, так и физиологических признаков, сравн.: *Все тихо – страх его объемлет, По нем текут и жар и холод* (Пушкин); *В животе у него перекатывало, под сердцем веяло холодом, само сердце стучало и замирало от страха перед неизвестностью* (Чехов); *Он заболел – в него вошел микроб страха. Он еще жил, дружил, а микроб в нем рос, он клубился от нетерпения его сожрать... И однажды он стал больше его самого – это был огромный страх* (Вайнеры).

Страх является эмоцией большой силы, которая оказывает заметное воздействие на восприятие, мышление и поведение человека, о чём свидетельствует семантика соответствующей лексемы: 'состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения в связи с грозящей или возможной опасностью' [3, с. 802]. Итак, страх – это неприятное чувство, которое возникает в ситуации, когда человек воспринимает или представляет нечто, что ощущает как что-то опасное для себя. Сильный страх может даже привести к смерти, сравн.: *умирать от страха, испугаться до смерти*. Сема интенсивности, свойственная значению лексемы *страх*, выявляется также в употреблении рассматриваемого имени существительного в функции наречия со значением 'ужасно, весьма, очень', сравн.: *страх сколько* 'много, без числа, несметно, тьма, пропасть'; *страх как* 'сильно, крепко, больно или упорно': *Страх, что народу было! Страх не люблю бури* [4, с. 337].

Между значением слова и его сочетаемостью существует всесторонняя зависимость: семантика слова обуславливает его сочетаемостные возможности, а сочетаемость является формальным средством выражения значения.

Среди языковых выражений, содержащих в своем составе названия эмоций, выделяются, с одной стороны, симптоматические выражения, описывающие физиологическую (как правило, непосредственно наблюдаемую) реакцию человека на эмоциональное состояние: *покраснеть от смущения, скривиться от отвращения* и пр.; с другой стороны, метафорические выражения, отражающие не реально наблюдаемую реакцию на эмоциональное состояние, а осмысление этого состояния, его оценку говорящим: *горе обрушивается на кого-либо, гнев душит* и пр.

Рассмотренные симптоматические выражения с компонентом *страх* позволяют сделать вывод о том, что данное эмоциональное состояние характеризуется интенсивностью проявления и способно воздействовать на различные виды деятельности человека, что находит соответствующее выражение в особенностях сочетаемости рассматриваемой лексемы.

Страх влечёт за собой изменения внешности человека: *лицо побледнело от страха, перекосило от страха, поседеть от страха, волосы дыбом встали*. Страх закономерно описывается и как состояние внутренней дрожи: *трепетать / дрожать / содрогаться от страха*; сравн. также значение фразеологического оборота *поджилки трясутся* 'о том, кто испытывает сильный страх': *Храбрится [Морковкин], а у самого поджилки трясутся, мурашками спину так и осыпает, только что вспомнит про здоровенный кулак и непомерную силу Алексея* (Мельников-Печерский) [5, с. 329].

Страх оказывает влияние на мышление, рассудок: *обезуметь от страха, себя не помнить от страха, потерять рассудок / рассудок помутился от страха*.

Страх способен воздействовать на проявления речевой деятельности: *язык отнялся от страха, онеметь / лишиться дара речи от страха, голос дрожит от страха*.

Страх ограничивает двигательную активность человека: *ноги отнялись от страха, ноги подгибаются / стали ватными от страха, прирасти к земле от страха*.

Соматические выражения, описывающие проявления страха, свидетельствуют о том, что в этом состоянии человек, как правило, стремится прекратить воздействие на себя нежелательного фактора и поэтому готов спрятаться, сжаться, съежиться и т.п.: *втягивать голову в плечи, пятиться, закрывать глаза руками*; сравн.: – *Держись покрепче и лошадей придерживай, я сейчас выстрелю... Возница только охнул в ответ и втянул голову в плечи* (Булгаков); *Рядом с ним шел негр. Тетушка Ганимед зажмурила глаза и села на пол. Вернее не на пол, а на кошку* (Олешиа) [5, с. 14, 24, 75]. Сходная мотивация лежит в основе фразеологизма *поджать хвост* 'испугавшись последствий своих действий, поступков, своего поведения и т.п., стать более осторожным, осмотрительным': – *Больно спесив Кирила Петрович! А небось поджал хвост, когда Гришка мой закричал ему: «Вон, старый пес! Долой со двора!»* (Пушкин) [6, с. 329].

Поскольку качество эмоционального переживания изображается в языке преимущественно метафорически, наибольший интерес представляют метафорические выражения с компонентом *страх*, отражающие особенности концептуализации рассматриваемого эмоционально-психического состояния носителями языка.

В работе В. Ю. Апресян и Ю. Д. Апресяна [7] было предложено понятие «телесная метафора души», позволяющее идентифицировать эмоции на основе сходства симптоматики определённых физиологических и эмоциональных состояний. Соответственно, в толкование вводится компонент: душа человека чувствует нечто подобное тому, что ощущает его тело, когда человек находится в определённом физическом состоянии.

Наблюдения над языковым материалом свидетельствуют, что образ страха базируется на представлениях, связанных с холодом: *страх леденит кровь, мурашки пробегают по телу, кровь в жилах стынет от страха*. Также весьма показательны в этом отношении значения украинского фразеологического оборота *нагнати холоду* ‘напугать, внушить страх’ [8, с.12].

Метафора *страх – внутренний холод* с точки зрения физиологии может объясняться тем, что состояние страха сопровождается снижением тонуса мускулатуры, частоты сердцебиения, кровяного давления, оттоком крови от конечностей, что приводит к эффекту похолодания, замерзания. Реакция души на страх очень сходна с реакцией тела на холод, сравн.: *Вокруг них бушевала зимняя вьюга мстительного севера, и люди падали тысячами, оцепененные страхом и холодом* (Белинский).

Связь эмоционального состояния страха с представлениями о холоде и, соответственно, физическими ощущениями оцепенения, застывания, по-видимому, очень глубока. Это подтверждается, в частности, тем, что русское слово *страх* этимологически связано с лит. *strūgti* ‘цепенеть, коченеть’ [9, с. 23; 10, с. 394], лтш. *strūgele* ‘сосулька’, др.-в.-нем. *strac* ‘тугой’ [11, с.43]. Семантика слова *страх* формировалась, по-видимому, в направлении от синкретичного значения ‘холод’ как явления природы и физиологически определяемого болезненного состояния тела к более определённому, узкому – ‘эмоциональное переживание, аффект, сопровождающийся ощущениями холода, оцепенения’. Этимологический материал индоевропейских языков свидетельствует о том, что значения ‘холод’ и ‘связывание, сжатие, сдавление’ являются родственными: греч. *κεῖται* ‘холод’ по происхождению связано с и.-е. *ger-* ‘сжимать, гнуть’, русск. *мороз* – с и.-е. *ter-* ‘связывать’ [11, с. 24]. Как известно, одной из особенностей процесса замерзания, т.е. перехода из жидкого состояния в твёрдое является замедление движения или неподвижность, сравн. к примеру, бел. диал. *мерзлы* ‘медлительный’: *От мерзлы, хоць ты жару под ёго подсып* [12, с. 75], *астываць* ‘долго задерживаться где-либо’ [13, с. 104].

Таким образом, холод ассоциируется с пассивностью, отсутствием положительных эмоционально-волевых проявлений, в частности – желания, стремления, сравн. значение выражения *с прохладцей* (делать что-либо) – ‘без большого усердия, вяло’. Поэтому представляется закономерным, что негативное эмоциональное состояние страха описывается в языке как состояние оцепенения, неподвижности: *застыть от страха, страх сковал, страх приковал его к месту*.

Страх может описываться в языке как живое существо, враждебное человеку, которое обладает властью над ним, подвергает его насилию: *страх берет, нападает* на человека, *охватывает* его, *душит, парализует*; человек *борется со страхом*, может *победить в себе страх* или *поддаться страху, быть во власти страха* [14, с. 566]. Сравн.: *Он (страх) управляет им всегда, он подчинил его, как раба* (Вайнеры). Б. А. Успенский, рассматривая языковое поведение существительного *страх* в составе подобных метафорических выражений, считает, что за ними стоит единый мотивирующий образ: *страх мыслится в виде «некоего враждебного существа, подобного гигантскому членистоногому или спруту, снабжённому жалом с парализующим веществом»* [15, с. 146].

Метафорические образы, лежащие в основе описания эмоций, составляют очень весомую часть языкового сознания говорящих. Спецификой русского языкового сознания является обозначение реакции человека в ситуации переживания эмоции посредством концептов *душа / сердце*, которые традиционно рассматриваются как место, где локализуются эмоции, и поэтому крайне чувствительны к происходящему с человеком. В ситуации грозящей или воображаемой

опасности *душа / сердце* могут перемещаться из нормального положения в самую дальнюю часть человеческого тела, находя временное убежище в пятках: *душа в пятки ушла, сердце в пятки ушло от страха* 'кого-либо охватывает сильный страх': *И думать позабыли, что у них дочь в опасности. Их тоже, со своей стороны, уверяю, что ничего, дескать, а у самого душа в пятки уходит* (Тургенев). Сравн. также *сердце опустилось / оборвалось от страха* 'кого либо неожиданно охватывает испуг, отчаяние, тревога': *Вдруг раздался страшный треск... Мною овладел страх... Сердце упало, холод пробежал по всему телу* (Станюкович).

Итак, концепт *страх* вызывает к жизни целый ряд ярких образов, представляющих данное эмоциональное состояние. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, чем богаче образная структура чувства, тем шире и разнообразнее набор обслуживающих его название предикатов [16, 97-98]. При этом образы, которые используются для описания страха, не являются произвольными, поскольку они мотивированы физиологией человека, соотносятся с его чувственным опытом.

Abstract. The emotional concept *fear* in the Russian language picture of the world is considered in the paper. The inner form of the key lexeme expressing the concept and the peculiarities of its functioning in the Russian language are analyzed.

Литература

1. Ларин, Б.А. История русского языка и общее языкознание: Избранные работы / Сост. Б. Л. Богородский, Н. А. Мещерский. – М.: Просвещение, 1977. – 224 с.
2. Изард, К. Психология эмоций / К. Изард. – СПб: Питер, 2000. – 450 с.
3. Современный толковый словарь русского языка / Российская академия наук, Институт лингвистических исследований; Гл. ред С. А. Кузнецов. – СПб: Норинт, 2007. – 960 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Т. 4. – М.: Русский язык, 1955. – 683 с.
5. Акишина, А.А. Жесты и мимика в русской речи / А.А. Акишина. – М.: Русский язык, 1991. – 144 с.
6. Фразеологический словарь русского языка / Сост.: Л. А. Воинова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Фёдоров; Под ред. А. И. Молоткова. – М.: Сов. Энциклопедия, 1967. – 543 с.
7. Апресян, В. Ю., Апресян, Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян. // Вопросы языкознания, 1993. – № 3. – С. 37-56.
8. Удовиченко, Г. М. Фразеологічний словник української мови: В 2т. / Г. М. Удовиченко. – Т.2. – Київ: Вища школа, 1984. – 384 с.
9. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т.: Пер с нем и доп. О. Н. Трубачёва / Отв. ред. Б. А.Ларин. – М.: Прогресс. –Т. 3. – 1987. – 830 с.
10. Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка: В 2 т. – Т.2. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. – 560 с.
11. Маковский, М. М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике / М. М. Маковский. – М.: Высшая школа, 1989. – 200 с.
12. Тураўскі слоўнік: У 5 т. / Склад. А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін і інш. – Мінск: Навука і тэхніка. –Т. 3. – 1984. – 311 с.
13. Народнае слова / пад рэд. А. Я. Баханькова. – Мінск: Навука і тэхніка, 1976. – 360 с.
14. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / Институт русского языка имени А. С. Пушкина; Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – М.: Русский язык, 1978. – 688 с.
15. Успенский, Б. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных / Б. А. Успенский // Семиотика и информатика, 1979. – Вып. 11. – С. 134 – 150.
16. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383 с.